
E8 136

С. Е. ДЕСНИЦКІЙ

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ПРОФЕССОРЪ ПРАВА

Н. М. Коркунова.

Изъ Журнала Министерства Юстиціи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Правительствующаго Сената.
1894

С. Е. ДЕСНИЦКІЙ

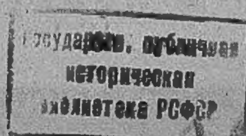
ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ПРОФЕССОРЪ ПРАВА

Н. М. Коркунова.

Изъ Журнала Министерства Юстиціи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Правительствующаго Сената.
1894

Печатано съ разрѣшенія Министра Юстиціи.

С. Е. ДЕСНИЦКІЙ

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ПРОФЕССОРЪ ПРАВА

(Рѣчь въ годовомъ собраніи Петербургскаго Юридическаго общества 13 ноября 1894).

Н. М. Коркунова.

Задача ученаго общества въ томъ, чтобы соединять разрозненныя силы людей какъ-либо причастныхъ научному знанію и научной мысли. Живой обмѣнъ мыслей лучше всего содѣйствуетъ общей работѣ выясненія научной истины. Но эта общая работа не есть дѣло только наличнаго поколѣнія. Работа современниковъ опирается и зиждется на полученномъ нами наслѣдіи прошлаго. То, чѣмъ мы владѣемъ и пользуемся, создано совокупною дѣятельностью длиннаго ряда поколѣній. Чтобы съ увѣренностью идти впередъ, надо ясно представлять себѣ весь путь, пройденный до насъ.

Поэтому ученое общество, сознающее свою задачу единенія научныхъ силъ, не можетъ не заботиться о поддержаніи возможно живой связи настоящаго съ прошлымъ, о сохраненіи въ возможной неприкосновенности памяти о прежнихъ дѣятеляхъ науки. Надо иногда отъ обсужденія очередныхъ вопросовъ текущей современности обращаться и къ прошлому, оглядываться на то, что сдѣлано до насъ. Только понимая свое малое дѣло частью единаго великаго дѣла научной мысли человѣчества, можно найти нравственное удовлетвореніе въ томъ немногомъ, что намъ самимъ удается сдѣлать.

Позвольте же, милостивые государи, занять сегодня Ваше вниманіе рѣчью о первомъ русскомъ, съ университетской каѳедры учившемъ праву. Едва ли многимъ изъ собравшихся здѣсь извѣстно имя перваго русскаго юриста-профессора, имя Десницкаго. А между тѣмъ отъ времени его дѣятельности насъ отдѣляютъ всего какихъ-нибудь сто лѣтъ. Но въ нашей горячкѣ жизни мы очень скоро забываемъ прошлое и прожитое быстро превращается для насъ въ забытую, сѣдую старину.

Не только научная разработка, но даже самое изученіе права явилось на Руси сравнительно очень недавно. До Петра Великаго въ русскихъ училищахъ не преподавалось не только собственно науки права, но даже и этики. Такъ, въ кіево-могилянской коллегіи преподаваніе философіи обнимало собою логику, физику и метафизику: этики въ программу не включалось. Изъ сохранившагося конспекта курса философіи, читаннаго въ восьмидесятыхъ годахъ XVII вѣка Іосифомъ Кроковскимъ, видно, что онъ обходилъ совершеннымъ молчаніемъ всѣ этическіе вопросы [1]).

Въ грамотѣ, данной въ 1682 году грекославянской академіи царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ, предназначалось, правда, преподавать между прочимъ и „ученіе правосудія духовнаго и мірскаго“ [2]), но предписаніе это осталось невыполненнымъ [3]).

Первое указаніе на дѣйствительное преподаваніе у насъ этики и политики относится къ училищу, открытому въ Москвѣ въ 1703 году и извѣстному подъ именемъ „Нарышкинскаго“ [4]). Основателемъ и директоромъ его былъ Эрнестъ Глюкъ, „лифляндскій препозитъ, нынѣ полоняникъ“ и нѣкто Іоаннъ Рейхмутъ училъ въ немъ „изъ философіи дѣятельныя этику и политику“.

---

[1]) *Макарій Булгаковъ*, Исторія Кіевской Академіи. Спб. 1843, стр. 66. 67.

[2]) Древняя Росс. Вивліоѳика. Т. VI, стр. 397. *Смирновъ:* Исторія Московской Академіи. Спб. 1855. стр. 12.

[3]) *Станиславскій*, О ходѣ законовѣдѣнія въ Россіи. Журн. Мин. Нар. Просв. 1853. т. LXXX, стр. 25.

[4]) Потому что оно помѣщалось въ домѣ умершаго уже тогда боярина Василія Ѳедоровича Нарышкина. *Владимірскій-Будановъ*, Государство и народное образованіе. I. Стр. 275—282.

Но училище это просуществовало всего двѣнадцать лѣтъ. Въ 1715 году оно уже было закрыто [1]).

Съ этого же времени и правительствомъ принимаются первыя мѣры къ установленію преподаванія у насъ собственнаго правовѣдѣнія, сначала съ исключительно практической цѣлью. Еще въ 1716 году было приказано „для науки аудиторскихъ дѣлъ взять въ военную коллегію изъ шляхетскихъ недорослей двадцать человѣкъ добрыхъ и молодыхъ, грамотѣ и писать умѣющихъ. Нашлось, однако, всего *семь* человѣкъ, да и тѣ къ аудиторскому дѣлу оказались негодны за малолѣтствомъ. По вторичному вызову былъ выбранъ одинъ Макшеевъ, но и тотъ былъ слабъ въ ариѳметикѣ [2]). Затѣмъ, въ Генеральномъ регламентѣ (глава 36) предписывалось при всѣхъ вообще коллегіяхъ учредить коллегіи-юнкеровъ для практическаго обученія праву. Дальнѣйшее развитіе это постановленіе нашло себѣ въ герольдмейстерской инструкціи 1722 года и въ табели о рангахъ. Въ герольдмейстерской инструкціи предписывалось учредить „краткую школу для изученія гражданскихъ и экономическихъ дѣлъ“ [3]), а Табель о рангахъ даетъ болѣе точное опредѣленіе состава этого обученія: „а именно: что касается до праваго суда, также торгамъ внѣшнимъ и внутреннимъ, къ прибыли Имперіи и экономіи“; словомъ—поясняетъ Табель—„что коллежскимъ правленіямъ подлежитъ“ [4]).

Теоретическое преподаваніе правовѣдѣнія введено было у насъ раньше всего въ академіи наукъ [5]) и затѣмъ въ кадетскомъ корпусѣ [6]). Преподаватели были нѣмцы: въ академіи—

---

[1]) *Пекарскій*, Наука и литература при Петрѣ I. Т. I, стр. 126—132. *Бантышъ-Каменскій*, Словарь, II, стр. 33.

[2]) *Розенгеймъ*, Очеркъ исторіи военно-судныхъ учрежденій въ Россіи. Стр. 174.

[3]) П. С. З. № 3896.

[4]) П. С. З. № 3890.

[5]) Академія наукъ сначала предназначалась быть учрежденіемъ не только ученымъ, но и учебнымъ. Академики должны были читать лекціи. Въ числѣ положенныхъ по уставу университетскихъ каѳедръ значилась и каѳедра юриспруденціи.

[6]) При учрежденіи въ 1731 г. кадетскаго корпуса, ему былъ приданъ характеръ общеобразовательнаго заведенія. „Понеже не каждаго человѣка природа къ одному воинскому склонна, тако жъ и въ государствѣ не меньше нужно политическое и

Бекенштейнъ, Гроссъ, Штрубе де-Пирмонтъ [1]), въ корпусѣ—Флюгъ [2]). Да и самое преподаванie было совершенно чуждо русской жизни. Обучали естественному праву, праву римскому, даже феодальному [3]), но только не русскому. При такихъ условiяхъ понятно, что русская молодежь того времени не обнаруживала интереса къ изученiю права. Въ 1733 г. изъ 247 русскихъ кадетовъ только 11 училось юриспруденцiи, и Сенату въ 1740 году пришлось предписать, чтобы право изучали обязательно по крайней мѣрѣ 24 кадета [4]). И дѣятельность академическихъ профессоровъ прошла почти вовсе безслѣдно. О ней такъ скоро забыли, что уже Неволинъ думалъ, что каѳедра юриспруденцiи въ академiи никогда никѣмъ не была занята [5]).

Единственный воспитанникъ академическаго университета, имѣющiй значенiе въ исторiи русскаго правовѣдѣнiя, это Алексѣй Яковлевичъ Полѣновъ (1738—1816). По окончанiи курса въ академiи его послали заграницу, въ Страсбургъ, откуда онъ по собственному желанiю перешелъ въ Геттингенъ, въ будущiй центръ исторической школы. Любопытно, что онъ уже въ то время, еще до появленiя работъ Густава Гуго придавалъ особое значенiе историческому изученiю и потому большую часть своего заграничнаго пребыванiя посвятилъ занятiямъ по исторiи. Это вызвало на него нареканiя академическаго собранiя, находившаго въ этомъ самовольное уклоне-

---

гражданское обученiе: того ради имѣть при томъ учителей чужестранныхъ языковъ, исторiи, географiи, юриспруденцiи, танцованiя, музыки и прочихъ полезныхъ наукъ". *Мельницкiй*, Сборникъ свѣдѣнiй о воен. уч. зав., I, стр. 9.

[1]) *Пекарскiй*, Исторiя Академiи Наукъ. I, стр. 197—210; стр. 213—235; стр. 671—689.

[2]) *Владимiрскiй-Будановъ*, Государство и народное образованie. I, стр. 182. *Соловьевъ*, Исторiя Россiи. Т. XXII, стр. 332.

[3]) *Соловьевъ*, Исторiя Россiи. Т. XX, стр. 474, приводитъ сохранившiйся въ архивѣ Министерства Юстицiи любопытный аттестатъ 1739 года кадета Магнуса Фоки. Относительно юридическихъ предметовъ въ немъ значится: „философiя, юсъ натуры, институцiонѣсъ юстiнiанѣсъ, пандектумъ и юсъ феудале: въ философiи Гейнекцiи элемента, юсъ секундумъ ординемъ пандекторумъ до 41 книги дошелъ".

[4]) *Владимiрскiй-Будановъ*, стр. 139. Чтенiе Общ. Ист. и Древн. Росс. 1802, I, стр. 172.

[5]) Энциклопедiя, II, § 1028. Съ его словъ повторяютъ это и *Станиславскiй*, стр. 27.

ніе отъ указанной ему задачи изучать право. Сохранился любопытный отвѣтъ Полѣнова, въ которомъ онъ разъясняетъ академикамъ необходимость для юриста историческаго образованія, ссылаясь въ доказательство на представителей гуманистическаго направленія, Альціата, Куяція, и голландской школы Бингерсгука, Скельтинга и др.

При посылкѣ Полѣнова заграницу имѣлось въ виду приготовить его къ замѣщенію въ Академіи каѳедры правовѣдѣнія. Но отношенія, въ какія онъ всталъ благодаря своему рѣзкому отвѣту къ академическому собранію, и въ особенности интриги, царившія тогда въ Академіи, сдѣлали то, что онъ по возвращеніи получилъ только мѣсто переводчика; видя, что ему ничего лучшаго не дождаться, онъ перешелъ въ 1771 году на службу въ Сенатъ.

Литературная дѣятельность Полѣнова выразилась въ нѣсколькихъ переводахъ и въ разсужденіи на заданную вольнымъ экономическимъ обществомъ въ 1766 году тему: „Что полезнѣе для государства, чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственности земли или только движимое имѣніе и сколь далеко на то и другое его право простирается?“ Разсужденіе Полѣнова, представлявшее рѣзкое осужденіе крѣпостного права, нѣкоторыми признано лучшимъ. Но другіе, „разсмотря сверхъ матеріи и самый слогъ, находили въ ономъ многія надмѣру сильныя и по здѣшнему состоянію неприличныя выраженія“. Поэтому, хотя автору и дана золотая медаль, но разсужденіе признано къ печатанію неудобнымъ [1]).

Академическая карьера Полѣнова, благодаря его неладамъ съ академіей, не устроилась и на кафедрѣ правовѣдѣнія въ академіи до самаго ея упраздненія не появилось ни одного русскаго ученаго.

Первые русскіе профессора права появляются уже въ московскомъ университетѣ. Если академическій университетъ былъ первымъ университетомъ въ Россіи, первымъ дѣйствительно *русскимъ* университетомъ былъ безспорно московскій.

---

[1]) Смотри о немъ статью *Д. В. Помѣнова*, А. Я. Полѣновъ, русскій законовѣдъ XVIII вѣка. Русскій Архивъ за 1865 годъ, стр. 445—470 и 703—736. Тамъ же, въ № 3 напечатано и разсужденіе Полѣнова.

Сначала профессора—юристы и тутъ были нѣмцы: Дильтей Лангеръ, Шаденъ. Но нѣмцы тутъ живо смѣняются русскими, московскими же студентами. Не болѣе какъ чрезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ открытія университета на юридическомъ факультетѣ появляются уже два русскихъ профессора Десницкій и Третьяковъ.

Третьяковъ [1]) читалъ въ университетѣ очень недолго—всего семь лѣтъ, и лекціи его повидимому не оставили послѣ себя сколько нибудь замѣтнаго слѣда. Ничего также неизвѣстно и объ ученикахъ его, которые чѣмъ-либо выдвинулись на научномъ поприщѣ.

Гораздо большее значеніе въ исторіи русскаго правовѣдѣнія имѣетъ сверстникъ и товарищъ Третьякова *Семенъ Ефимовичъ Десницкій*, котораго по всей справедливости и должно признать первымъ русскимъ профессоромъ права. Онъ первый сталъ читать порусски и притомъ русское право, и лекціи его имѣли огромное вліяніе на слушателей. Съ благодарностью, почти съ благоговѣніемъ вспоминаетъ о немъ, какъ о своемъ учителѣ, Горюшкинъ. Именно подъ вліяніемъ лекцій Десницкаго созналъ онъ „суету одного практическаго изученія юриспруденціи“ [2]). Еще въ тридцатыхъ годахъ жива была въ университетскихъ преданіяхъ слава Десницкаго. „Ему недостовало, говоритъ Морошкинъ, только читателей и *иностраннаго имени* для занятія мѣста близь Монтескье съ Блакстонами, Потье и другими знаменитыми юристами прошедшаго вѣка“ [3]).

Годъ рожденія Десницкаго [4]) неизвѣстенъ. Первоначальное

---

[1]) Иванъ Андреевичъ, воспитанникъ тверской семинаріи. Вмѣстѣ съ Десницкимъ былъ посланъ въ Глазговъ. Въ московскомъ университетѣ читалъ институціи и исторію римскаго права. Отъ него остались три рѣчи: 1) О происшествіи и учрежденіи университетовъ въ Европѣ, читанная 1768 г., апрѣля 22. 2) О римскомъ правленіи и разныхъ онаго премѣнахъ, 1769 г. іюля 30 и 3) О причинахъ изобилія и медлительнаго обогащенія государствъ, 1772 года, іюня 30. Скончался Т. въ 1779 году.

[2]) Руководство къ познанію россійскаго законоискусства. 1811—1816 гг. Т. I. Вступительная лекція.

[3]) Ученыя Записки Моск. универс. 1834 г. ч. III, стр. 227.

[4]) Біографіи его имѣются: 1) въ первой части Рѣчей, произнесенныхъ въ торжественныхъ собраніяхъ Императорскаго Московскаго университета русскими

образованіе получилъ онъ въ троицкой лаврѣ, а въ 1759 году принятъ въ число студентовъ московскаго университета.

По уставу, въ то время полагалось на юридическомъ факультетѣ три профессора: юриспруденціи всеобщей, юриспруденціи россійской и политики. Это распредѣленіе было принято согласно мнѣнію Ломоносова. По его предположенію, „профессоръ юриспруденціи вообще учить долженъ натуральныя и народныя права, также узаконенія Римской древней и новой Имперіи. Профессоръ юриспруденціи Россійской, кромѣ вышеписанныхъ, долженъ знать и преподавать внутреннія государственныя права“. И наконецъ, „профессоръ политики долженъ показывать взаимныя поведенія, союзы и поступки государствъ и государей между собою, какъ были въ прошедшіе вѣки и какъ состоятъ въ нынѣшнее время“. Исторіографъ Миллеръ предлагалъ нѣсколько иное распредѣленіе также между тремя профессорами: „1) jus naturae et gentium; 2) jus commune privatum et publicum и 3) jus Rossicum et praxis juridica“. Политика у Миллера отсутствовала. Такимъ образомъ соединеніе политическихъ наукъ съ юридическими, составляющее характерную особенность нашего юридическаго образованія, введено въ нашихъ университетахъ по мысли истинно русскаго ученаго Ломоносова.

Но во время студенчества Десницкаго весь юридическій факультетъ состоялъ всего на всего изъ одного только профессора Филиппа Генриха Дильтея [1]). Вольфіанецъ Шаденъ, хотя и былъ профессоромъ съ самаго открытія университета, но принадлежалъ сначала къ философскому факультету и только съ 1778 г. сталъ читать на юридическомъ факультетѣ естественное право, государственное право и политику. „Пламенный“, какъ его называетъ Морошкинъ, Лангеръ, послѣдователь Локка, былъ приглашенъ въ университетъ только въ 1764 г., когда Десницкій уже окончилъ курсъ и былъ заграницей.

профессорами онаго, съ краткими ихъ жизнеописаніями. Изданы Обществомъ любителей Россійской словесности. М. 1819. Стр. 209. 2) Въ біографическомъ словарѣ профессоровъ московскаго университета (статья С. Баршева). 3) Въ исторіи россійской Академіи М. И. Сухомлинова, в. 5 (прилож. къ XXXVIII т. Записокъ) 1880. стр. 3.

[1]) Родомъ тиролецъ, докторъ вѣнскаго университета. Профессоромъ въ Москвѣ съ 1756 г. до своей смерти въ 1781 году.

Такимъ образомъ Дильтей былъ единственнымъ руководителемъ Десницкаго въ его первоначальныхъ занятіяхъ правомъ. Правда, это былъ очень дѣятельный и даровитый профессоръ. Изъ учениковъ его многіе заявили себя въ юридической литературѣ. Таковы кромѣ Десницкаго: Третьяковъ, Артемьевъ [1]), Роговъ [2]), Борзовъ [3]), Золотницкій. Кромѣ обязательныхъ лекцій на латинскомъ языкѣ, Дильтей читалъ для желающихъ публичныя лекціи на четырехъ языкахъ: латинскомъ, итальянскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ; устраивалъ студенческіе диспуты и, что было особенно важно, раньше другихъ профессоровъ нѣмцевъ научился русскому языку. Это дало ему возможность ознакомиться нѣсколько съ русскимъ законодательствомъ. Онъ возбуждалъ въ университетской конференціи вопросъ о необходимости распредѣленія русскихъ законовъ въ систему, для чего просилъ дать ему нѣсколько студентовъ. Въ 1768 году онъ издалъ даже „Начальныя основанія вексельнаго права, а особливо россійскаго купно со шведскимъ“. Книга эта составлена по Гейнекцію и въ большей части представляетъ даже прямо переводъ. Дильтей объясняетъ это въ предисловіи нежеланіемъ чужое выдавать за свое и перефразировкой скрывать свой источникъ. Относительно русскаго права онъ руководствовался указаніями князя Дм. Павл. Циціанова, учившагося праву въ кадетскомъ корпусѣ, „мужа въ россійской юриспруденціи преискуснаго“. Книга эта имѣла весьма большой успѣхъ и выдержала до 1801 года шесть изданій. Морошкинъ передаетъ, что „классъ дѣловыхъ людей, увлекшись порядкомъ и полнотою изложенія, принялъ его за руководство въ практикѣ и нерѣдко забывалъ видѣть въ немъ произведеніе частнаго человѣка“. Съ

---

[1]) Алексѣй Артемьевичъ, бывшій экзекуторомъ университета, въ 1777 г. издалъ „Краткое начертаніе римскихъ и россійскихъ правъ, съ показаніемъ купно обоихъ равномѣрно какъ и чиноположенія оныхъ исторій“. Митрополитъ Евгеній говоритъ, что сочиненіе это выбрано изъ лекцій Дильтея. Словарь русск. пис. I, стр. 6.

[2]) Андрей Петровичъ (1742—1811) съ 1804 г. преподавалъ въ университетѣ вексельное право.

[3]) Вмѣстѣ съ Артемьевымъ перевелъ на русскій языкъ Вексельное право Дильтея.

1772 г. Дильтей началъ даже чтеніе исторіи русскаго законодательства.

Все это указываетъ на большую отзывчивость Дильтея, но надо вмѣстѣ съ тѣмъ сказать, что все это относится уже къ позднѣйшему времени. Во время же студенчества Десницкаго главнымъ предметомъ чтеній Дильтея было естественное право, въ изложеніи котораго онъ слѣдовалъ Пуффендорфу и Неттельбладту.

Такимъ образомъ, въ университетѣ Десницкому пришлось вращаться въ томъ же кругѣ понятій, какія онъ вынесъ, конечно, и изъ духовной академіи. И тутъ, и тамъ учителя его не пошли дальше Пуффендорфа и Вольфа. Въ академіи—Баумейстеръ, въ университетѣ—Неттельбладтъ—вотъ та умственная пища, на которой воспитался праотецъ русской юридической профессуры.

Въ университетѣ Десницкій оставался недолго. Уже въ 1761 году онъ былъ посланъ академіей наукъ вмѣстѣ съ Третьяковымъ заграницу, но не къ нѣмцамъ, а въ Шотландію, въ Глазговъ, гдѣ тогда каѳедру нравственной философіи занималъ Адамъ Смитъ.

Академическое начальство, посылая заграницу Третьякова и Десницкаго, повидимому находило, что для одной юриспруденціи не стоило ѣздить такъ далеко и вмѣнило имъ въ обязанность изучать сверхъ того еще медицину и математику. Но въ дѣйствительности они изучили науки одного юридическаго факультета и получили сначала степень магистра свободныхъ наукъ, а потомъ и доктора правъ—doctor legum.

Въ Москву они вернулись въ 1767 году, въ тотъ самый годъ, когда Коммисія объ уложеніи начинала тамъ свои работы, когда, по выраженію Десницкаго, „Россійская монархиня и послѣдняго изъ подданныхъ, Самоѣда, приглашала участникомъ быть въ законодательной власти“. Университетская конференція потребовала отъ нихъ сдачи испытанія какъ изъ юриспруденціи, такъ и изъ математики. Юридическій экзаменъ прошелъ благополучно. Онъ происходилъ 13 августа въ присутствіи оберъ-секретаря третьяго департамента Сената Самуила Дена. Кромѣ того были присланы отъ Сената

особые письменные вопросы. Они были изложены по-латыни и по-русски и относились къ русскому гражданскому праву о поручительствѣ, о даваніи вещей на подержаніе и т. п. Кромѣ того задавали вопросы профессора Дильтей и Лангеръ, а также Денъ. Экзаменъ велся по-латыни. Дильтей задалъ между прочимъ такой вопросъ: Equum conduxi pro die, teneo ultra hunc terminum, equus fulmine altera die occiditur, an restituere debeo? Испытуемые отвѣчали отрицательно: cedit enim Domino. Contrarium statuerunt examinatores, quia conductor in culpa est. Затѣмъ были прочтены пробныя лекціи. Десницкій читалъ по-латыни De praescriptionibus. И отвѣты, и лекціи признаны удовлетворительными. Но этимъ испытаніе еще не оканчивалось. Надо было экзаменоваться еще изъ математики. Третьяковъ явился на экзаменъ и обнаружилъ полное невѣжество; Десницкій вовсе не сталъ экзаменоваться. Но повидимому университетская конференція поняла невозможность требовать отъ юристовъ знанія непремѣнно и математики. Вопросъ этотъ былъ устраненъ и обоимъ имъ было поручено чтеніе лекцій: Третьякову исторія правъ естественнаго и римскаго, а Десницкому— римское право по Гейнекцію съ примѣненіемъ къ праву русскому.

Но тутъ возникъ вопросъ: на какомъ языкѣ читать имъ лекціи? До того времени всѣ обязательныя лекціи читались по-латыни и конференція настаивала на сохраненіи такого порядка и на будущее время. Но императрица Екатерина II рѣшила этотъ вопросъ иначе. Чрезъ бывшаго тогда въ Петербургѣ куратора университета Ададурова было получено высочайшее повелѣніе, „что въ университетѣ пристойнѣе читать лекціи на Русскомъ языкѣ, а особливо юриспруденцію“.

Въ отзывахъ Дильтея и Лангера объ экзаменѣ и пробныхъ чтеніяхъ преимущество было отдано Десницкому, и послѣдующей своей дѣятельностью онъ вполнѣ оправдалъ оказанное ему предпочтеніе.

Десницкій былъ прежде всего человѣкъ съ широкимъ общимъ образованіемъ. Онъ интересовался не одной юриспруденціей. Кромѣ права, онъ преподавалъ еще англійскій языкъ.

Онъ перевелъ Наставникъ земледѣльческій Томаса Боудена [1]) и есть предположеніе [2]), что Десницкому принадлежитъ напечатанный въ Опытѣ трудовъ вольнаго россійскаго собранія недурной переводъ извѣстнаго монолога Гамлета [3]).

Будучи членомъ россійской академіи, онъ участвовалъ въ работахъ по составленію словаря, принявъ на себя выборку словъ изъ древнихъ законодательныхъ памятниковъ.

Профессорская дѣятельность Десницкаго продолжалась всего двадцать лѣтъ. Въ 1787 году онъ вышелъ въ отставку, а въ 1789 году 15 іюня скончался, годомъ раньше своего глазговскаго учителя Адама Смита ($^5/_{17}$ авг. 1790 года).

О томъ, какъ преподавалъ Десницкій и какіе взгляды проводилъ онъ въ своихъ лекціяхъ, мы можемъ судить только по его актовымъ рѣчамъ [4]) и примѣчаніямъ, какими онъ снабдилъ изданный имъ переводъ Блакстона [5]). Таково оставленное имъ литературное наслѣдіе.

Наслѣдіе это не велико. Но мы не должны прилагать къ оцѣнкѣ литературной дѣятельности Десницкаго нашей современной мѣрки. И въ его время, и еще долгое время послѣ него

---

[1]) Напечатанъ въ Москвѣ въ 1780 г. Переводу предпосланы посвященіе цесаревичу Павлу Петровичу, гдѣ сравниваются Англія и Россія и предисловіе, въ которомъ доказывается важность земледѣлія: „крайне нужный и, можно сказать, еще и первоначальный въ земледѣльческомъ художествѣ заключается и по разуму политическому способъ къ благополучію смертныхъ“. Въ заключеніе Д. предлагаетъ помѣщикамъ „выписать и фармера аглинскаго, коему въ кортому отдавать желаемое число десятинъ“.

[2]) *Пыпинъ*, Исторія русской этнографіи. I, 1890 г. стр. 92, прим.

[3]) Иль жить, или не жить, теперь рѣшиться должно,
Что есть достойнѣе великія души:
Фортуны-ль злой сносить жестокіе удары
Или вооружась противъ стремленья бѣдъ
Конецъ ихъ ускорить, окончить жизнь, уснуть
И тѣмъ всю скорбь пресѣчь, котора смертныхъ доля? и т. д.

[4]) Онѣ напечатаны въ изданіи Общества любит. Росс. словесности: Рѣчи, произнесенныя въ торжественныхъ собраніяхъ Имп. московскаго университета русскими профессорами онаго. Москва. Т. I, 1819 г. стр. 213—229; ч. IV, 1823, стр. 295—298.

[5]) Истолкованіе Аглинскихъ законовъ г. Блакстона, переведенныя по Всевысочайшему повелѣнію великой законодательницы Всероссійской съ подлинника аглинскаго. I. 1780. II. 1781. III. 1782. Переводъ не конченъ.

было совершенно обычнымъ у насъ явленіемъ, что профессоръ, не оставившій почти никакихъ печатныхъ произведеній, профессоръ, имя котораго въ печати извѣстно лишь по двумъ, тремъ рѣчамъ, тѣмъ не менѣе пріобрѣталъ громкую и почетную извѣстность, какъ крупный дѣятель на поприщѣ научной разработки права. Аудиторія такого непечатавшагося профессора нерѣдко служила питомникомъ лучшихъ силъ среди нашихъ юристовъ теоретиковъ и практиковъ и чрезъ нихъ содѣйствовала и развитію права и его научной разработкѣ.

Это явленіе объясняется просто отсутствіемъ достаточнаго спроса на юридическія книги. Наши юристы и теперь читаютъ немного. Въ старину они читали, конечно, еще меньше. Поэтому тогда у профессоровъ-юристовъ и не могла быть внутренняя потребность издавать свои произведенія въ свѣтъ. Являлось какое-нибудь внѣшнее побужденіе напечатать—они печатали. И многія изъ напечатанныхъ такимъ образомъ актовыхъ рѣчей и диссертацій занимаютъ весьма видное мѣсто въ литературѣ. Не было такого побужденія, имя профессора не появлялось въ печати и только въ устномъ преданіи сохранялась и распространялась его слава.

Рѣчи Десницкаго во многихъ отношеніяхъ замѣчательный литературный памятникъ. Не говоря уже о выдающемся литературномъ талантѣ, обнаруженномъ въ нихъ, онѣ и по содержанію представляются въ высшей степени интересными. Въ нихъ ярко выступаетъ предъ нами духовный обликъ этого „полнаго науки и Англіи“ [1]) русскаго юриста прошлаго столѣтія. Всѣ онѣ относятся ко времени отъ 1768 года, когда Десницкій началъ свою профессорскую дѣятельность, по 1781 годъ, когда онъ произнесъ свою послѣднюю публичную рѣчь о разныхъ понятіяхъ, какія имѣютъ народы о собственности имѣнія.

Время произнесенія этихъ рѣчей—шестидесятые и семидесятые года прошлаго столѣтія—было, можно сказать, апогеемъ процвѣтанія отвлеченныхъ ученій естественнаго права. Общественный договоръ Руссо былъ тогда еще свѣжей новинкой.

---

[1]) Слова Морошкина.

Историческая школа еще не выступала съ своей сокрушительной критикой естественно-правовыхъ теорій. Пуффендорфъ, Вольфъ, Неттельбладтъ являлись непререкаемыми авторитетами. Такъ было на Западѣ, особенно въ Германіи, такъ было и въ той школѣ, какую Десницкій прошелъ дома. Въ духовныхъ академіяхъ въ преподаваніи философіи схоластика тогда только что замѣнилась системой Баумейстера [1]). Въ университетѣ, какъ мы уже видѣли, Дильтей преподавалъ по Винклеру, Пуффендорфу, Неттельбладту. Все клонилось къ тому, чтобы и первые русскіе юристы, прошедшіе такую школу, примкнули къ тому же отвлеченному направленію, чуждому исторической почвы, чуждому живому пониманію дѣйствительности. Съ менѣе одаренными учениками Дильтея такъ и было, напр. съ авторомъ первой русской юридической книги Владиміромъ Трофимовичемъ Золотницкимъ [2]).

Годомъ позднѣе Десницкаго поступивъ изъ кіевской духовной академіи въ студенты московскаго университета, Золотницкій уже въ университетѣ принималъ дѣятельное участіе въ издававшемся тогда при университетѣ подъ редакціей Хераскова „Полезномъ увеселеніи“ и въ изданіи профессора Рейхеля „Собраніе лучшихъ сочиненій“. Въ 1764 году, будучи преподавателемъ кадетскаго корпуса, онъ напечаталъ „Сокращеніе естественнаго права, выбранное изъ разныхъ авторовъ для пользы россійскаго общества“, книгу, являющуюся первенцемъ русской юридической литературы.

Она написана всецѣло подъ вліяніемъ отвлеченныхъ ученій естественнаго права. Историческаго пониманія въ ней нѣтъ и слѣда. „Естественное право, по его опредѣленію, есть знаніе какъ натуральныхъ законовъ, въ первенственномъ, натуральномъ состояніи наблюдаемыхъ, такъ дѣйствій и случаевъ, относящихся къ онымъ“. Въ опредѣленіи основного начала

---

[1]) Съ 1752 года. *Макарій Булгаковъ*. Исторія Кіевской академіи. Спб. 1843, стр. 145.

[2]) Родился въ 1741 г. въ кіевской губерніи, сынъ священника. Служилъ преподавателемъ въ кадетскомъ корпусѣ, затѣмъ переводчикомъ въ камеръ-коллегіи. Въ 1771 году перешелъ въ военную службу и кончилъ жизнь (когда?) полковникомъ днѣпровскаго пикинернаго полка. См. Словарь митр. Евгенія.

естественнаго права Золотницкій оказывается экклектикомъ. „Нѣкоторые, говоритъ онъ, поставляютъ началомъ естественнаго права собственную пользу, другіе страхъ, схоластики справедливость и святость Божію, а другія различныя начала вымыслили: но понеже разсуждая о семъ пространно, никакого почти такого предложенія (изъ котораго всѣ натуральные законы имѣютъ свое основательное происхожденіе) найти не можно, то въ сокращенномъ смыслѣ предопредѣливши нѣкоторое знаніе о Богѣ и о самомъ себѣ, можемъ, вмѣсто сего начала, въ естественномъ правѣ принять себѣ слѣдующее: *познавай себя*. Изъ сего трoякія натуральныя человѣческія должности могутъ произойти. Разсматривая прилежно сіе предложеніе, узнать скоро и легко можно, что мы не сами собою на сей свѣтъ произведены, но есть такое существо, которое на свѣтъ произвело, сохраняетъ насъ и управляетъ свѣтомъ. Здѣсь представится происходительный изъ сего законъ, который предлагаетъ намъ сію первую должность, чтобъ почитать Бога. Въ продолженіи сего предложенія откроется намъ второй законъ другой должности въ разсужденіи насъ самихъ, то есть, чтобъ сохранять себя и приводить всегда въ лучшее совершенство, поелику есмь созданіе всесильнаго Творца. Наконецъ, и третій законъ послѣдней должности узнаемъ, чтобъ почитать и любить общество, поелику мы одни безъ помощи другихъ въ свѣтѣ безопасно и безнуждно жить, не можемъ“. Однако, чрезъ нѣсколько страницъ, вмѣсто этихъ трехъ, выставляется одинъ „первый натуральный законъ“, на которомъ всѣ прочіе основаны: „изъ многихъ дѣйствій, состоящихъ въ твоей власти, избирай то, что полезнѣе и честнѣе“.

Живой умъ и богатыя дарованія спасли Десницкаго отъ такого подчиненія отвлеченнымъ теоріямъ естественнаго права. Онъ прошелъ ту же школу, что Золотницкій, но онъ не подчинился всецѣло занесенному къ намъ изъ Германіи кругу идей. Со всею чуткостью русскаго ума пошелъ онъ на встрѣчу тому новому живому теченію, какое подмѣтилъ въ лекціяхъ своего глазговскаго учителя, славнаго создателя науки народнаго хозяйства.

Десницкому пришлось недолго пользоваться руководствомъ

Адама Смита и притомъ только въ началѣ своего пребыванія въ Глазговѣ. Десницкій поѣхалъ въ Глазговъ въ 1761 году, а въ февралѣ 1764 года Адамъ Смитъ уже бросилъ профессуру и отправился съ молодымъ герцогомъ Buccleguh во Францію. Къ тому же, въ то время главный трактатъ Адама Смита не былъ еще написанъ. Знаменитый трактатъ о богатствѣ народовъ явился лишь двѣнадцать лѣтъ спустя, въ 1776 году.

Тѣмъ не менѣе, лекціи Адама Смита не прошли для Десницкаго безслѣдно. Воспитанный Дильтеемъ на Винклерѣ и Неттельбладтѣ, онъ съумѣлъ оказаться воспріимчивымъ къ тому новому кругу идей, какой раскрывали предъ нимъ лекціи Адама Смита. Въ рѣчахъ Десницкаго мы постоянно встрѣчаемъ слѣды вліянія „господина Смита", который нравоучительную философію къ великому удовольствію ученаго свѣта издалъ".

Не слѣдуетъ однако думать, что рѣчи Десницкаго—простая передача, слышаннаго имъ въ аудиторіяхъ глазговскаго университета. Адамъ Смитъ уже тогда интересовался преимущественно вопросами народнаго хозяйства. Извѣстно, что уже въ пятидесятыхъ годахъ въ своихъ лекціяхъ по нравственной философіи, которую онъ дѣлилъ на четыре части: естественное богословіе, этику, естественное право и политику, Адамъ Смитъ развивалъ основныя положенія своего экономическаго ученія [1]). Поэтому, если бы Десницкій только пересказывалъ въ своихъ рѣчахъ лекціи Адама Смита, на первомъ мѣстѣ въ нихъ должно бы оказаться изслѣдованіе развитія народнаго богатства. Такъ и случилось съ менѣе даровитымъ товарищемъ Десницкаго Третьяковымъ. Въ 1772 году—слѣдовательно за четыре года до появленія книги Адама Смита—онъ изложилъ нѣкоторыя основныя положенія его экономическаго ученія въ „Разсужденіи о причинѣ изобилія и медлительнаго обогащенія государствъ какъ у древнихъ, такъ и у нынѣшнихъ народовъ" [2]).

---

[1]) Zeyss, Adam Smith und der Eigennutz. 1889. SS. 14—16.

[2]) Въ своей рѣчи Третьяковъ излагаетъ ученіе о раздѣленіи труда даже съ тѣми самыми пояснительными примѣрами, какіе приведены и въ „Богатствѣ народовъ." „Такъ напр., есть ли бы часовой мастеръ или и фабрикантъ послѣднійшія вещи, иглы, одинъ собою все принадлежащее до совершенствъ такихъ и подоб-

Изъ рѣчей Десницкаго, напротивъ, ни одна не посвящена прямо экономическимъ вопросамъ. Онъ не слѣдуетъ рабски за своимъ учителемъ. Вопросы для изслѣдованія онъ выбираетъ самъ, которые ближе интересуютъ его, какъ юриста. Происхожденіе государственной власти и власти родительской, происхожденіе супружества, собственности, казней по дѣламъ криминальнымъ—таковъ кругъ вопросовъ, намѣченныхъ Десницкимъ для своихъ рѣчей. Это все не тѣ вопросы, съ научной разработкой которыхъ неразрывно связано имя Адама Смита. Въ выборѣ вопросовъ Десницкій, очевидно, былъ самостоятеленъ. Но направленіе, въ какомъ разработываетъ онъ эти вопросы, заимствовано имъ безъ сомнѣнія отъ Адама Смита.

Что прежде всего удивляетъ насъ въ рѣчахъ Десницкаго, это безусловно отрицательное отношеніе къ отвлеченнымъ раціоналистическимъ ученіямъ, на которыхъ онъ былъ воспитанъ дома, въ академіи и въ университетѣ. Въ самый годъ своего вступленія на каѳедру, 30 іюня 1768 года, онъ произнесъ рѣчь „О прямомъ и ближайшемъ способѣ къ наученію юриспруденціи". Это цѣлая законченная программа университетскаго преподаванія и научной разработки права. Обрисовавъ въ ней господствовавшія въ то время теоріи „нравоучительной философіи" и „натуральной юриспруденціи", Десницкій смѣется надъ тѣмъ самымъ подраздѣленіемъ совѣсти, какое Дильтей предлагалъ въ числѣ темъ для студенческихъ диспутовъ [1]): „Совѣсть есть или предъидущая или послѣдующая, или достовѣрная, или вѣроятная, или правая, или ложная, или сомнительная, или, напослѣдокъ, безчувственная". „Въ такомъ лабиринтѣ, замѣчаетъ Десницкій, они ищутъ общаго всѣмъ натуральнымъ правамъ начала. Теряютъ время трудящіеся въ такихъ отъ чувствъ человѣческихъ удаленныхъ изобрѣтеніяхъ".

„Какая изъ того польза, что иной выводитъ начало всѣхъ

ныхъ сему вещей, самъ отправлялъ, то онъ едва бы въ состояніи былъ сдѣлать въ годъ одни часы, а въ день одну иглу."

[1]) *Капустинъ*, Біографія Дильтея въ біогр. словарѣ профессоровъ Московскаго университета. Т. I, стр. 303.

натуральныхъ правъ, поставляя онымъ честность съ полезностью, или выводя оное и отъ того, что всякъ, чего себѣ не желаетъ, того и другому дѣлать не долженъ. Ибо тѣмъ правъ и законовъ изъяснить не можно. Суть и другія principia juris naturae, которыя изысканы больше для меридіана нѣмецкаго, нежели къ дѣлу въ судахъ. Сей родъ ученыхъ, чѣмъ недостаточнѣйшій въ своемъ знаніи, тѣмъ тщеславнѣйшій въ своихъ изобрѣтеніяхъ, and like empty vessels, makes the greatest noise, свѣтъ еще ничего не видитъ, а онъ уже и въ газетахъ гремитъ, что имъ сыскана quadratura circuli. Въ слѣдующую почту, можетъ статься, и его жъ perpetuum mobile выйдетъ.“ Особенно достается приэтомъ Пуффендорфу, сочиненія котораго до самаго конца XVIII вѣка служили у насъ и въ духовныхъ академіяхъ, и въ университетахъ, руководствомъ для многихъ преподователей [1]). „Пуффендорфовъ трудъ, говорилъ Десницкій, подлинно былъ излишній, ибо писать о вымышленныхъ состояніяхъ рода человѣческаго, не показывая, какимъ образомъ собственность, владѣніе, наслѣдство и пр. у народовъ происходитъ и ограничивается, есть такое дѣло, которое не совсѣмъ соотвѣтствуетъ своему намѣренію и концу.“

Нельзя видѣть въ этомъ отрицательномъ отношеніи къ Пуффендорфу лишь выраженіе крайней англоманіи. Правда, онъ укоряетъ „нѣмецкихъ ученыхъ въ Россіи, которые одинъ свой геттингенскій университетъ забраломъ всей премудрости доказываютъ“. Правда, Англія и англичане вызываютъ съ его стороны самые восторженные отзывы. „Вольность и собственность, говоритъ онъ, написанныя на лицѣ почти у всякаго британца, какъ природныя права, имѣютъ закономъ предписанный предѣлъ, за который вредная наглость и своевольство прейти не могутъ. Судіи при всей своей верховной власти не смѣютъ и не могутъ въ законѣ беззаконствовать. Привести правосудіе въ такое совершенство, чтобъ судителю

---

[1]) Въ инструкціи 1798 г. въ академіяхъ предписывалось преподавать его книгу De officio hominis et civis. *Булгаковъ*, l. c., стр. 129. Въ московскомъ университетѣ послѣ смерти Шадена въ 1792 г. проф. Скіаданъ, собственно медикъ, преподавалъ естественное право также по Пуффендорфу.

закона и дѣлъ совсѣмъ возможности не было къ злоупотребленію закона, есть такая премудрость правленія, которою кромѣ великобританскаго никакой еще другой изъ древнихъ, ни изъ нынѣшнихъ народовъ праведно похвалиться не можетъ". И „такое цвѣтущее состояніе ниже какимъ-либо даромъ или по особливому благодѣянію природы Британія наслѣдила, но всѣ ея толикія превосходства пріобрѣтены величайшими трудами. Много поту и крови народныя пролито въ семъ толь лестномъ пріобрѣтеніи" [1]).

Но не все и англійское встрѣчало со стороны Десницкаго безусловное одобреніе. Въ своихъ примѣчаніяхъ къ Блекстону онъ не разъ полемизируетъ съ нимъ. Прежде всего по поводу воззрѣній Блекстона на естественное право. „Г. Блекстонъ въ семъ толкованіи началъ, полагаемыхъ основаніемъ закону естественному, весьма невразумительнымъ покажется читателямъ. Г. Блекстонъ здѣсь держался системы доктора Готчесона. Впрочемъ, какъ докторъ Готчесонъ, такъ и г. Блекстонъ оба заражены казуистическимъ законоученьемъ, коего въ Англіи родителемъ былъ господинъ Гоббсъ". Несостоятельнымъ также считаетъ Десницкій и принятое Блекстономъ дѣленіе законовъ на опредѣляющіе права и преступленія. „Изъ сихъ безмѣрно обширныхъ раздѣленій выходитъ больше мелкихъ [2]) и затмѣвающихъ смыслъ раздѣленій. Лучшаго и удобнѣйшаго раздѣленія законовъ нѣтъ того, которое Юстиніанъ установилъ; по сему раздѣленію полагается троякій предметъ законовъ, то есть: *персоны*, *вещи* и обязательства съ принадлежащими къ симъ послѣднимъ *челобитными* [3]). Не укрылись отъ Десницкаго и чрезмѣрныя злоупотребленія при производствѣ парламентскихъ выборовъ. Важнымъ неудобствомъ считаетъ онъ обиліе въ судебномъ англійскомъ языкѣ „невразумительныхъ латинскихъ и французскихъ словъ", „отъ такихъ строгихъ формъ у насъ въ судахъ еще не пре-

---

[1]) Посвященіе къ переводу Наставника земледѣльческаго.

[2]) Истолкованія аглинскихъ законовъ. Т. I стр. 97, 100.

[3]) Тамъ же, стр. 310.

терпѣвали затрудненій, когда въ Британіи всѣ оныя столь строго наблюдаются, что и мужикъ у нихъ иногда принужденъ просить секретаря: сдѣлай мнѣ habeas corpus".

Относясь критически къ господствовавшимъ въ Германіи теоріямъ естественнаго права, самъ Десницкій считаетъ задачей натуральной юриспруденціи „изысканіе причинъ, которыя дѣйствуютъ во всѣхъ государствахъ и суть основаніемъ всѣхъ законовъ и правленій". При этомъ считаетъ необходимымъ держаться историческаго метода. „О произшествіи правленія можно дѣлать нѣкоторыя наблюденія о причинахъ и натуральномъ произшествіи власти и старшинства у народовъ, изъясняя оныя *историческимъ описаніемъ*, взятымъ отъ первоначальныхъ народовъ, о которыхъ мы ясное понятіе имѣемъ; послѣ сего показывать должно здѣсь правленія натуральныя, какія случаются у народовъ, живущихъ сперва одною ловлею звѣрей, потомъ хлѣбопашествомъ и наконецъ купечествомъ". Точно такъ же „права сколько недостаточны бываютъ у непросвѣщенныхъ народовъ и сколько оныя ограничены и въ совершенство приведены у нынѣшнихъ, сіе *историческимъ доказательствомъ* должно пространно изъяснять".

Всю натуральную юриспруденцію Десницкій дѣлилъ на четыре части. Часть первая—„о произшествіи правленій въ разные вѣка и у разныхъ народовъ"; вторая—„о правахъ, происходящихъ въ обществѣ отъ различнаго состоянія и званія людей". Здѣсь онъ считалъ между прочимъ необходимымъ показать „историческимъ, метафизическимъ и политическимъ порядкомъ введеніе въ государствахъ порабощенія и закрѣпленія народовъ, какое бываетъ порабощенія дѣйствіе, въ разсужденіи цѣлаго отечества, какимъ образомъ и для какихъ причинъ въ иныхъ государствахъ оное уничтожено, а въ другихъ закоснѣло; третья часть должна быть посвящена „правамъ, происходящимъ отъ различныхъ и взаимныхъ дѣлъ, между обывателями" и наконецъ четвертая—„полиціи". Полицію Десницкій понималъ очень широко. Она обнимаетъ у него и финансы, и международныя отношенія и организацію войска, при чемъ особо указывается на необходимость „раз-

суждать сколь опасныхъ слѣдствій произведеніемъ бываетъ находящееся внутрь государства чрезмѣрно великое войско".

Эта программа очень любопытна. Въ ней вовсе нѣтъ мѣста ученіямъ ни объ естественномъ состояніи, ни объ общественномъ договорѣ. Вмѣсто отвлеченныхъ построеній, требуется историческое объясненіе дѣйствительно существующаго. И Десницкій не ограничился одной только программой. Къ первой же своей рѣчи онъ присоединилъ, чтобы показать „какимъ образомъ натуральную юриспруденцію преподавать должно", „Разсужденіе о произшествіи преимущества, власти и старшинства въ народахъ, отъ которыхъ происходитъ ихъ правленіе", и затѣмъ въ отдѣльныхъ рѣчахъ представилъ опытъ объясненія происхожденія супружества и собственности.

Основой власти однихъ людей надъ другими Десницкій считаетъ: 1) „превосходство въ качествахъ тѣлесныхъ, какъ то: дебелость и крѣпость тѣла необыкновенная"; 2) „превосходство въ качествахъ душевныхъ, какъ то: хитрость, проворство, предвидѣніе, прозорливость" и 3) „превосходство въ богатствѣ и изобиліи всего". „Дебелость и крѣпкое тѣла сложеніе весьма надобно роду человѣческому въ непросвѣщенномъ вѣкѣ, когда еще науки и художества мало извѣстны". „Когда же народы начинаютъ хотя мало возвышаться въ познаніи вещей, они вскорѣ опытомъ увѣрены бываютъ, что качества душевныя несравненно превосходятъ тѣлесныя и что премудрость, хитрость и прозорливость сравниться не могутъ съ одной скотской дебелостью". „Но что больше всего придаетъ человѣку чести, достоинства и преимущества, то есть превосходное богатство и изобиліе. Сіе столь изрядно изъяснено благоразумнымъ сочинителемъ новой Нравоучительной философіи господиномъ Смитомъ, что описанія больше не требуетъ. Къ такому человѣку люди въ подданство идутъ не только съ удивленія на его великолѣпіе, но больше еще для пользы и покровительства. Богатство въ концѣ концовъ Десницкій признаетъ главной основой власти во всѣхъ формахъ правленія: и у варварскихъ народовъ, и „въ нынѣшнихъ *народныхъ правленіяхъ*", гдѣ, „также посредствомъ превосходнаго богатства правительствующіе удерживаютъ свое

достоинство, величество и власть, соединенныя съ уваженіемъ и со всеподданнѣйшимъ повиновеніемъ“: „Какіе точно народы и въ какихъ обстоятельствахъ завися отъ богатыхъ умножаютъ ихъ достоинство, честь и преимущество надъ многими, сіе подробно показывается въ принадлежащихъ къ сей части юриспруденціи разсужденіяхъ, въ которыхъ изъясняются три народнаго правленія перемѣны и состоянія, какія случаются у обывателей, когда они живутъ сперва одною ловлею животныхъ, потомъ хлѣбопашествомъ и наконецъ купечествомъ“. Къ сожалѣнію, до насъ не сохранилось лекцій Десницкаго по этому вопросу.

Болѣе обстоятельно выясняетъ Десницкій происхожденіе супружествъ, собственности и казней. Все это онъ считаетъ историческими явленіями, не искони существующими, а возникшими во времени и во времени мѣняющимися въ зависимости отъ постепеннаго измѣненія условій общественнаго быта.

Такъ, по его мнѣнію, „мы не находимъ въ первоначальномъ состояніи народовъ никакого порядочнаго супружества и ниже имени онаго. Смѣшеніе у нихъ обоего пола невозбранное есть вмѣсто супружества“. Первоначальная форма брака, въ формѣ многоженства, является съ возникновеніемъ скотоводства. Въ доказательство Десницкій ссылается между прочимъ на живущихъ въ Россіи татаръ и калмыковъ. Съ установленіемъ осѣдлости и съ развитіемъ хлѣбопашества многоженство замѣняется единоженствомъ. Съ установленіемъ же „высочайшаго состоянія коммерческаго“ „женскій полъ не только уравненъ мужскому, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и предпочтенъ оному“. Въ доказательство Десницкій ссылается на петровскую табель о рангахъ, по которой дочери особъ перваго ранга полагаются выше даже бригадировъ. „Толико, восклицаетъ онъ, въ просвѣщеніи нравовъ народныхъ споспѣшествовало правительство къ уравненію и превознесенію сего низверженнаго въ древности пола“!

Я уже говорилъ, что рѣчи Десницкаго не были простымъ пересказомъ слышаннаго имъ въ аудиторіяхъ глазговскаго университета. Въ нихъ ясно сказывается самостоятельная

работа въ усвоенномъ отъ Юма и Смита направленіи. Мы видимъ, что въ его рѣчахъ постоянно встрѣчаются доводы и примѣры, заимствованные прямо изъ русской жизни. Самостоятельная работа Десницкаго подтверждается и тѣмъ, что въ рѣчахъ его замѣтна все большая и большая обработка. Очевидно, и вернувшись въ Москву, онъ продолжалъ работать. Послѣдняя по времени рѣчь—„О разныхъ понятіяхъ, какія имѣютъ народы о собственности имѣнія въ различныхъ состояніяхъ общежительства"—есть вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшая рѣчь. И внѣшнее ея построеніе отличается наибольшою цѣльностью и послѣдовательностью, и содержаніе ея болѣе продумано.

Начинается она съ выясненія общаго хода развитія человѣчества. Десницкій отвергаетъ мысль о томъ, чтобы человѣчество переживало, подобно отдѣльнымъ людямъ, послѣдовательные возрасты: отрочество, юность, мужество, престарѣлость. Постепенное развитіе человѣческаго общества онъ сводитъ къ послѣдовательнымъ измѣненіямъ его хозяйственнаго быта, различая, такимъ образомъ, четыре различныхъ состоянія: „состояніе народовъ, живущихъ ловлею звѣрей и питающихся плодами само пораждающимися на землѣ; состояніе пастушеское; состояніе хлѣбо-пашественное и послѣднее состояніе коммерческое".

Постепенное развитіе собственности опредѣляется, по мнѣнію Десницкаго, послѣдовательной смѣной этихъ четырехъ состояній.

Въ современномъ понятіи собственности заключается, по его опредѣленію, три элемента: „1) право употреблять свою вещь по произволенію; 2) право взыскивать свою вещь отъ всякаго, завладѣвшаго оною неправедно, и 3) право отчуждать свою вещь, кому кто хочетъ при жизни и по смерти." Для выясненія постепеннаго развитія понятія собственности Десницкій и изслѣдуетъ, въ какой степени каждый изъ этихъ элементовъ признавался на различныхъ ступеняхъ общественнаго состоянія.

У народовъ, живущихъ ловлею звѣрей, „самое употребленіе вещей бываетъ, по большей части, нераздѣльное и общее всѣмъ. Ибо какъ они живутъ всѣ въ одной хижинѣ или

пещерѣ, то оныхъ жилищъ имѣютъ совокупное и нераздѣльное владѣніе и употребленіе, и какъ они ѣдятъ всѣ вмѣстѣ, то ихъ съѣстные припасы бываютъ всѣмъ общи, а по недостатку, даже и самыя одѣянія у нихъ также, какъ и у нашихъ крестьянъ, бываютъ носимы и обоимъ поломъ одинакія и нераздѣльныя. И такъ, когда не имѣется въ вещахъ раздѣльнаго владѣнія: то имъ и различіе того, что *твое* и *мое* весьма мало вразумительно". „Еще меньше имѣютъ они понятія о правѣ взыскивать свою вещь отъ всякаго, завладѣвшаго его по потеряніи и похищеніи; ибо сія вторая часть права собственности имъ еще и паче невразумительною бываетъ потому, что оное ожиданіе въ безпрепятственному употребленію владѣемыя вещи у такихъ народовъ весьма умаляется и почти исчезаетъ, какъ скоро вещь и соединенное съ нею владѣніе теряется. Право собственности примѣчается у нихъ совсѣмъ нераздѣльное съ владѣніемъ." Право отчужденія въ этомъ состояніи также не признается „по той причинѣ, что у нихъ мало бываетъ и случаевъ къ отчужденію вещей въ такомъ бѣдственномъ и недостаточномъ состояніи, въ которомъ они, не имѣя никакихъ художествъ, не имѣютъ для продажи и обмѣну никакихъ вещей. Да хотя бы въ такомъ состояніи кто и отважился отчуждать свою вещь, но однимъ словеснымъ произволеніемъ онъ того сдѣлать не можетъ по той причинѣ, что въ такомъ же состояніи народы бываютъ весьма вѣроломны". Въ пастушескомъ состояніи, хотя и накопляется у народовъ больше имущества, но и у нихъ оно остается въ общемъ владѣніи. Только съ развитіемъ хлѣбопашества и установленіемъ осѣдлаго образа жизни, образуется частная собственность и Десницкій считаетъ ея основой трудъ. „Когда человѣкъ приложитъ довольно трудовъ къ обработыванію особливой части земли: тогда лишить его оныя покажется всякому дѣломъ безчеловѣчнымъ и несноснымъ, вслѣдствіе чего онъ будетъ всякому представляться имѣющимъ большее, нежели другой кто, право ко снятію и употребленію плодовъ, которые онъ посѣялъ на ней.—И чѣмъ долѣе кто обработывалъ одну и ту же самую часть земли, тѣмъ большее отчасу къ ней чувствовалъ пристрастіе и ожиданіе въ безпрепятственномъ оныя вла-

дѣнія и употребленіе впредь. Въ продолженіе такого прилагаемаго каждымъ обывателемъ къ своей землѣ обработыванія напослѣдокъ всякой хозяинъ получаетъ и всегдашнее право къ употребленію занятыя имъ земли".

Въ своемъ „Словѣ о причинахъ казней по дѣламъ криминальнымъ" 1770 года Десницкій сводилъ карательную власть государства къ двумъ основаніямъ: къ „мстительной склонности людей" и къ необходимости поддержать казнями порядокъ и спокойствіе въ обществѣ. Между наказаніями, проистекающими изъ того и другого основанія, Десницкій усматриваетъ существенное различіе. „Разность наказуемыхъ людей смертью для цѣлости, крѣпости и пользы отечества, и наказуемыхъ оною жъ единственно для удовлетворенія мстительной склонности всякаго человѣка, состоитъ въ томъ, что въ первомъ случаѣ такая казнь не всегда совершается съ общимъ внутреннимъ благоволеніемъ народа; въ другомъ всегда съ благоволеніемъ всякаго.—Непристрастные зрители и свидѣтели единодушно всѣ благоволятъ о таковомъ его мщеніи.—И есть ли взять въ разсужденіе человѣка истязуемаго смертію за то только, что онъ отъ несправедливости разсужденія и неосторожности выговорилъ что либо противное закону; и другаго напротивъ такому, ежели представить убійцу множества невинныхъ и наглаго разбойника, истязуемаго смертію жъ: въ первомъ случаѣ народъ внутренно будетъ сожалѣть и просить самого Бога, противъ котораго закона виновный погрѣшилъ, чтобъ онъ какимъ нибудь образомъ избавился отъ наказанія и не былъ бы живой сожженъ, и верховная власть весьма благоразумно во многихъ государствахъ къ такимъ нещастливымъ дѣлаетъ милости и богоугоднѣйшее снисхожденіе. Въ другомъ напротивъ сему случаѣ, когда смертоубійца убѣжитъ, всѣ бѣгутъ въ погоню за нимъ, и когда умретъ прежде понесенія казни всѣ слышащіе и вѣдущіе про то думаютъ, что такого Богъ за человѣка невиннаго и въ будущемъ накажетъ житіи".

Относительно самыхъ карательныхъ мѣръ Десницкій указываетъ, что онѣ не должны быть чрезмѣрно суровы. „Такія по дѣламъ достойныя казни согласны всячески съ удовлетвореніемъ обидимыхъ, съ общимъ благоволеніемъ постороннихъ зрителей,

и имѣютъ свой дѣйствительный успѣхъ въ пресѣченіи злотворства, ежели только оныя бываютъ умѣрены по дѣламъ, учинены безъ изъятія всякому и не выходятъ за предѣлъ человѣчества. Сіе наипаче правительствующимъ должно наблюдать, чтобъ учиненныя казни не выходили за предѣлъ человѣчества; въ противномъ случаѣ непристрастные и посторонніе зрители не будутъ благоволить и, пришедши въ сожалѣніе объ виновномъ, негодовать станутъ на самихъ судей, чрезъ что чинимыя казни теряютъ свой успѣхъ. Разрушать на части и рвать живаго по кускамъ, возя по улицамъ, есть дѣло, котораго человѣчество, сколько бы ни было раздраженное на виноватаго, не можетъ терпѣть, и говорятъ, что однажды при такой казни въ Парижѣ всѣ люди разбѣжались и не могли смотрѣть оную." Въ видѣ примѣра Десницкій приводитъ затѣмъ выписку изъ рукописной жизни Петра I о томъ безчестіи, какому былъ подвергнутъ трупъ „московскаго Кромвеля Милославскаго."

Слѣдуетъ ли видѣть въ этихъ сужденіяхъ Десницкаго о томъ, каковы должны быть наказанія, вліяніе его современника—Беккаріа? [1]) Десницкій нигдѣ не ссылается на Беккаріа. Но знакомство его съ Беккаріа возможно. Англійскій переводъ книги Беккаріа вышелъ уже въ 1767 году, да Десницкій зналъ и французскій языкъ, такъ что могъ воспользоваться и переводомъ Мореллета. Однако, съ другой стороны, сужденія Десницкаго не представляютъ полнаго совпаденія съ тѣмъ, что было высказано Беккаріа.

Такъ, соображенія, выставляемыя ими противъ излишней жестокости наказаній не одни и тѣ же. Беккаріа указываетъ на то, что самая суровость наказанія вселяетъ въ людей больше смѣлости; что люди сами ожесточаются и чрезъ сто лѣтъ также будутъ бояться колеса, какъ прежде тюремъ; что дѣлается невозможной соразмѣрность наказанія съ виной и, наконецъ, что чрезмѣрная жестокость приводитъ къ безнаказанности. Десницкій же выдвигаетъ совершенно иное соображеніе: чрезмѣрная

---

[1]) Беккаріа и Десницкій вступили на каѳедру въ одинъ и тотъ же 1768 годъ.

жестокость вызываетъ сожалѣніе къ виновному и негодованіе противъ власти.

Въ опредѣленіи круга подлежащихъ карательной репрессіи дѣяній Десницкій основывается на различіи истины (т. е. справедливости, justitia) исполнительной и воздательной (expletrix et attributrix) „Исполнительная истина велитъ дѣлать все то, что только по строгости правъ требовано быть можетъ отъ цѣлаго свѣта. Напротивъ сей, истина воздательная требуетъ только того, что всякому по людскости и человѣчеству должно отдавать. Ея главное правило есть: аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы и вы такожде имъ творите". Наказанію должно подлежать собственно только нарушеніе исполнительной истины. Хотя Десницкій и признаетъ, что „во многихъ государствахъ" „государь приказуетъ исполнять, что въ самомъ дѣлѣ можетъ только по истинѣ воздательной быть требовано", но оговаривается при этомъ, что „въ такихъ законоположеніяхъ премудрость велитъ весьма законоискусно поступать дабы въ противномъ случаѣ и ихъ воздательная истина не была налогомъ въ тяжесть народу, и принужденіе людей насильное къ добродѣтельнымъ взаимнымъ должностямъ бываетъ произведеніемъ великихъ непорядковъ и хужшихъ слѣдствій. Такія законоположенія истины воздательныя больше должны принаравливаемы быть къ сердцамъ человѣческимъ, а не сердца къ нимъ. Общество безъ такихъ принужденій, хотя бы и совсѣмъ между обывателями его не было взаимной любви и дружелюбныхъ поступокъ, можетъ есть ли не столь щастливо, по крайней мѣрѣ спокойно устоять, и люди въономъ на подобіе шарлатановъ и торговцовъ, еще могутъ единственно изъ одного интереса жить".

Кромѣ всѣхъ этихъ общихъ вопросовъ „натуральной юриспруденціи", Десницкій останавливался въ своихъ рѣчахъ и на выясненіи условій и цѣли преподаванія римскаго и русскаго права.

Значеніе римскаго права онъ видитъ въ томъ, что оно представляетъ собою „образцовую систему права" и даетъ намъ понятіе „о полной и благоразумно расположенной системѣ законоположеній". „Для такого намѣренія нѣтъ въ

свѣтѣ лучшихъ законовъ кромѣ Римскихъ, ибо ни одинъ еще народъ въ Европѣ столь долговременно не жилъ и столь не скоро до своего совершенства доходилъ, какъ Римляне, которыхъ теченіе столь продолжительное было, что намъ изъ ихъ законовъ можно видѣть всякую степень, по которой они восходили до своего величества".

Такимъ образомъ, въ Римскомъ правѣ кромѣ полноты системы Десницкій цѣнитъ также послѣдовательность постепеннаго его развитія, дающаго возможность на изученіи римскаго права наглядно показать послѣдовательныя ступени историческаго развитія юридическихъ понятій и институтовъ.

Сохранились два образчика того, какъ умѣлъ Десницкій объяснять своимъ слушателямъ институты римскаго права въ историко-сравнительномъ освѣщеніи. Это—два разсужденія: одно о родительской власти, которую у римлянъ имѣлъ отецъ надъ своими дѣтьми и которая примѣчается и у всѣхъ народовъ, когда въ невѣжественномъ и варварскомъ состояніи находятся", въ 1768 г.; другое—„о вещахъ, святыхъ и принятыхъ въ благочестіе, съ показаніемъ правъ, какими оныя у разныхъ народовъ защищаются", 1772 года.

Доказательству необходимости научнаго, систематическаго изученія русскаго права Десницкій посвятилъ особое „Разсужденіе о пользѣ знанія отечественнаго законоискусства, 1778 года". Въ немъ подробно доказывается польза научной юридической подготовки для дворянъ и разночинцевъ, для секретарей и судей, уѣздныхъ засѣдателей и самихъ депутатовъ уложенной комиссіи или участниковъ законоположенія, какъ онъ ихъ называетъ. „Сколь стыдно казаться должно члену законоположенія давать свой голосъ на новой законъ, когда онъ вовсе не знаетъ и не разумѣетъ стараго"!

Десницкій требуетъ для юриста прежде всего общаго образованія: „ибо науки имѣютъ между собою весьма тѣсный союзъ и процвѣтаютъ наилучше въ сосѣдствѣ взаимномъ; и нѣтъ такого ученія, которое бы не было совершаемо вспомоществованіемъ заемлемымъ отъ другихъ ученій".

Поэтому онъ требуетъ отъ юриста изученія грамматики, риторики, логики, математики, физики, естественнаго права и

права римскаго. „Тогда онъ толико пріуготовленный вступить можетъ въ ученіе закона Отечественнаго съ несказанными выгодами и успѣхомъ; въ которомъ ученіи есть ли пробудетъ годъ или два и пріобрящетъ твердое и систематическое основаніе сея науки, тогда онъ приступить можетъ съ превеликою удобностью къ практикѣ, въ которой и самъ опослѣ найдетъ и откроетъ другимъ такія тонкости, каковыя многіе и видѣть не могутъ".

Университетское преподаваніе русскаго права Десницкій находилъ необходимымъ раздѣлить между двумя каѳедрами: теоретической и практической. Къ теоретической каѳедрѣ онъ относилъ, кромѣ систематическаго изложенія догмы, исторію права и юридическія древности. Профессоръ же практическаго законовѣдѣнія долженъ бы былъ вести практическія занятія по разбору рѣшенныхъ тяжебныхъ дѣлъ, такъ чтобы студенты проходили послѣдовательно различныя должности: повытчиковъ, секретарей, судей.

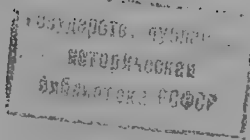
Неизвѣстно, велъ ли самъ Десницкій подобныя практическія занятія. Но по его мысли въ Москвѣ дѣйствительно была устроена каѳедра практическаго законоискусства, которую послѣдовательно занимали ученики Десницкаго: Горюшкинъ (1748—1821), авторъ четырехтомнаго „Россійскаго законоискусства", самоучка, слушавшій однако лекціи Десницкаго, и Сандуновъ (ум. 1832), студентъ московскаго университета, извѣстный также какъ драматической писатель и переводчикъ Разбойниковъ Шиллера. И Горюшкинъ, и Сандуновъ вполнѣ слѣдовали тому плану практическихъ занятій, какой былъ намѣченъ Десницкимъ.

Систематическій курсъ русскаго права Десницкій читалъ, и судя по сохранившимся его рѣчамъ, можно съ увѣренностью сказать, что съ его каѳедры раздавалось дѣйствительно живое слово, озарявшее тогдашній хаосъ нашего законодательства яркимъ свѣтомъ высокихъ началъ. Относясь съ сомнѣніемъ къ „удаленнымъ отъ чувствъ человѣческихъ изобрѣтеніямъ", Десницкій умѣлъ, однако, цѣнить тѣ общія начала, въ которыхъ слышалась ему жизненная правда.

Черезъ недѣлю исполнится тридцатилѣтіе Судебныхъ Уста-

вовъ, внесшихъ въ нашу жизнь столько новыхъ, плодотворныхъ началъ. И объ одномъ изъ этихъ началъ заговорилъ у насъ первый именно Десницкій. Онъ первый указалъ на воспитательное значеніе гласнаго судопроизводства: „Да ничто въ тайнѣ, но откровенно и постороннимъ извѣстно судимо было и исходило въ свѣтъ для наученія народнаго!“ [1])

Такъ, уже первый представитель русской юридической каѳедры былъ проповѣдникомъ идеаловъ жизненной правды и свѣта гласности!

[1]) О необходимости гласнаго судопроизводства также говорилъ и Беккаріа, но и тутъ у него доводы не тѣ, что у Десницкаго. Беккаріа видѣлъ въ гласности средство не воспитанія народа въ духѣ законности, а сдержки и контроля судебной власти.

